

УДК 343.359.3(045)

*А.А. Никифорова***К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В представленной статье автором на основании проанализированных примеров следственно-судебной практики изучен подход правоприменителя в рамках описания признаков субъективной стороны, в результате чего выявлены факты раскрытия таких признаков через отношение виновного лица к общественно опасным последствиям при совершении преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности (ст. 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ). При этом обращено внимание на тот факт, что данные составы преступлений сконструированы как формальные, то есть объективная сторона включает только общественно опасное деяние, и момент окончания связан именно с моментом совершения такого деяния, поэтому автор доказывает и приходит к выводу о том, что указание общественно опасных последствий и отношения виновного к ним в обвинительном приговоре суда видится не соответствующим положениям уголовного законодательства, как излишнее. На основе проведенного исследования доктринальных источников, а также практики правоприменения автор констатирует, что такой вывод прежде всего необходим для грамотного правоприменения при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: уголовный закон, внешнеэкономическая деятельность, контрабанда, общественно опасные последствия, состав преступления, оконченное (составом) преступление.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-5-934-940

Экономическая деятельность, включая внешнеэкономические процессы, является ключевой в вопросах развития любого государства, так как представляют собой основу для его функционирования и развития. Внешнеэкономическая деятельность – одна из наиболее важных сфер отношений, регулируемых в нашей стране, включая уголовно-правовую охрану. Подтверждением этому служат положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, разработанные в целях реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, определяющие вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Одной из таких задач обозначено «повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики» [1].

В современных условиях вопросы, связанные с валютными операциями, в том числе с вывозом денежных средств из Российской Федерации в другие государства физическими или юридическими лицами с целью участия, как правило, в выгодных инвестиционных проектах, защиты от инфляции, экспроприации и уплаты налогов, иначе – оттоком капитала из страны, являются достаточно острыми и требующими особого внимания со стороны государства, что обусловлено рядом внешнеполитических и внешнеэкономических процессов. При этом высказываются мнения о том, что вывоз капитала может быть представлен в различных формах: «бегство», «отток», «долларизация», «вывоз инвестиций» [2].

Как отмечает профессор, доктор экономических наук, председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова В.Ю. Катасонов, «приток валюты сопровождается резко возросшим чистым оттоком капитала» [3]. Безусловно, процессы, протекающие в связи с возникающими внешними и внутренними факторами, влекут за собой изменения в их правовом регулировании. В первую очередь происходит модификация позитивного законодательства с целью уменьшения темпов вывоза капитала за рубеж. Но учитывая тот факт, что одновременно с этим растет количество криминогенных проявлений в этой среде, законодателем также предпринимаются меры по уголовно-правовому реагированию на них и совершенствованию положений уголовного законодательства. Нельзя не отметить, что частыми и распространенными являются не только случаи вывоза капитала за пределы Российской Федерации, но и другие внешнеэкономические процессы, к которым можно отнести перемещение предметов разного рода через таможенную границу Таможенного союза Российской Федерации в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, уклонение от уплаты таможенных платежей. При

этом правоприменительную деятельность на основании имеющихся уголовно-правовых запретов не всегда удается признать единообразной и последовательной, что, несомненно, вызывает вопросы относительно эффективности применения положений уголовного закона.

Представляется, что нормы об ответственности за совершение преступлений в сфере внешне-экономической деятельности приобрели на сегодняшний день особую актуальность, однако, есть определенные спорные моменты квалификации, требующие, на наш взгляд, особого внимания и разрешения.

В частности, видится необходимость в его обращении на момент окончания противоправных деяний, посягающих на отношения в сфере внешней экономики, а также на определение формы вины и раскрытие ее признаков в правоприменительных актах. В действующем уголовном законе законодателем закреплено 7 статей об ответственности за такие преступления в главе 22 УК РФ (ст. 189, 190, 193, 193¹, 194, 200¹, 200² УК РФ) и 2 статьи в главах 24 (ст. 226¹ УК РФ) и 25 (ст. 229¹ УК РФ) [4]. Стоит отметить, что в теории уголовного права имеются различные подходы к определению видов составов преступлений по законодательной конструкции объективной стороны. Например, С.В. Познышев указывал, что «формальные посягательства представляют собой лишь совершение или несовершение субъектом указанных в законе действий, так, что, как скоро запрещенные действия совершены или действия, предписанные, при определенных условиях не наступили» [5]. По мнению Тедеева К.Т., «по конструкции объективной стороны составы преступления подразделяются на материальные, формальные, усеченные составы и составы опасности» [6]. В свою очередь Баймаковой Н.Н. отмечено, что «классификация составов преступлений в отечественном уголовном праве на материальные, формальные и усеченные имеет решающее значение для определения момента окончания преступления, а следовательно, для правильной квалификации содеянного» [7]. Также высказывается позиция, согласно которой в связи с наличием подстадий совершения преступления можно говорить о признании преступления с материальным составом формальным, если, например, такое преступное посягательство было окончено на стадии покушения на преступление [8]. При этом некоторые представители юридической доктрины и вовсе ее отрицают [9].

Несмотря на это, как правило, существует условное разделение составов преступлений на формальные, материальные, усеченные. Именно исходя из этого, мы определили все указанные выше нормы как формальные составы по законодательной конструкции объективной стороны, взяв за основу тот факт, что формальные составы преступления – «те составы преступлений, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава сам факт совершения действия или бездействия, независимо от дальнейших последствий, вызванных им во внешнем мире»¹. Подтверждением отнесения рассматриваемых составов к формальным служит отсутствие закрепленных в диспозиции статей признаков общественно опасных последствий в результате совершения противоправных деяний. Отметим, что даже если не предпринимать попыток по классификации исследуемых уголовно-правовых запретов, несомненным остается тот факт, что в рамках объективной стороны законодателем закреплены лишь признаки общественно опасного деяния, указания на обязательное наступление общественно опасных последствий отсутствует. В данном случае мы солидарны с авторами, утверждающими, что основанием классификации в подобных ситуациях должен выступать момент окончания преступления, который зависит от конструкции состава и может быть перенесен законодателем на любую стадию совершения преступления [10].

На сегодняшний день Верховным судом Российской Федерации даны разъяснения касательно окончания контрабандного провоза предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в соответствующем Постановлении от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде»². В частности, в п. 9 закреплено два таких момента, различающихся в зависимости от способа совершения контрабанды. В случае, если контрабандный провоз осуществлен при ввозе на таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или вывозе с нее товаров или иных предметов вне установленных мест или вне установленное время работы таможенных органов, то преступление признается оконченным с момента фактического пересечения

¹ Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / А.А. Пионтковский; Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. Т.2. С. 150.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 №12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. № 99. 11 мая 2017.

товарами или иными предметами таможенной границы. Когда контрабанда совершается иным способом, например, посредством недостоверного декларирования или использования документов, которые содержат недостоверную информацию о товарах или иных перемещаемых предметах, то преступление считается оконченным с момента представления таможенному органу декларации или документа, допускающего ввоз на территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или вывоз с нее товаров или предметов, с целью их незаконного перемещения через таможенную границу.

К сожалению, для других норм об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности Верховным Судом Российской Федерации разъяснения отсутствуют, потому на этом уровне мы не можем проследить его позицию по поводу определения момента окончания при совершении и последующей квалификации иных противоправных посягательств на отношения в исследуемой сфере. Именно поэтому вопросы относительно окончания и последующего формулирования вины в преступлениях, предусмотренных ст. 189, 190, 193, 193¹, 194 УК РФ, являются еще более проблемными и спорными, так как отсутствие законодательных и судебных разъяснений не позволяет правоприменителю в полной мере уяснить данные проблемные аспекты.

В практике применения норм об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности демонстрируется не единообразная логика, потому возникают противоречивые и спорные примеры, которые, по нашему мнению, не способствуют эффективному противодействию преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности и регулированию возникающих уголовно-правовых отношений.

Так, 22 сентября 2017 года Мещанским районным судом г. Москвы Ш.Д.Г. был признан виновным в совершении совокупности преступлений по ч. 1 ст. 226¹ УК РФ (пять отдельных составов). Ш.Д.Г. незаконным путем перемещал через таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС приборы ночного видения, представляющие собой военную технику. Судом было установлено, что Ш.Д.Г. достоверно знал, что незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС военной техники запрещено уголовным законодательством Российской Федерации, осознавал общественную опасность своих действий и **желал наступления преступных последствий**, несмотря на что, совершил контрабанду военной техники [11].

Аналогичным образом 16 ноября 2017 года Центральный районный суд г. Тюмени вынес обвинительный приговор в отношении Ш.Д.В., которая, исполняя обязанности генерального директора ООО, достоверно зная и предвидя наступление общественно опасных последствий в виде не возврата денежных средств за не ввезенный нерезидентом Российской Федерации товар, имея при этом полномочия, связанные с исполнением обязанностей по репатриации денежных средств, умышленно преступно бездействовала, увеличивая срок поставки товара на территорию Российской Федерации или возврата денежных средств до 31.12.2015. Таким образом, Ш.Д.В. была признана виновной в совершении преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 193 УК РФ [12].

В приведенных примерах продемонстрирован подход правоприменителя в вопросе формулирования субъективной стороны виновных лиц через описание признаков прямого умысла применительно к преступлению с материальным составом, то есть предусматривающему момент окончания преступления после наступления общественно опасных последствий. Однако, налицо отсутствие таких последствий в составах статей 193, 226¹ УК РФ, так как диспозиция данных норм содержит описание лишь самого противоправного деяния без указания общественно опасных последствий, которые при их закреплении, безусловно, явились бы конструктивным признаком объективной стороны состава. Также стоит отметить, что если в случае квалификации контрабанды в первом примере судом просто обозначен сам факт наличия последствий и, соответственно, отношения виновного к ним, то во втором примере, в рамках которого лицо признано виновным в уклонении от исполнения обязанности по репатриации денежных средств, судом уже конкретно сформулированы общественно опасные последствия «в виде невозврата денежных средств за не ввезенный нерезидентом Российской Федерации товар».

В ч. 1 ст. 193 УК РФ содержится запрет на нарушение требований валютного законодательства Российской Федерации. В данной норме не представлены общественно опасные последствия, потому представляется, что вина должна формулироваться только через отношение к деянию: *лицо осознает*

общественную опасность нарушения требований валютного законодательства Российской Федерации о зачислении и возврате денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации от одного или нескольких нерезидентов на счета резидента в уполномоченном банке или в банке, расположенном за пределами Территории России, причитающихся резиденту в соответствии с условиями внешнеторговых договоров за переданные товары, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, включая исключительные права на них, выполненные работы, оказанные услуги, и желает их нарушать. Руководствуясь той же логикой, сформулируем вину ст. 226¹ УК РФ: *лицо осознает общественную опасность незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, и желает их незаконно переместить.*

Такая же логика правоприменителя прослеживается и в иных судебных решениях по ч. 1, 2 ст. 193¹ [13], 194 [14], 226¹ [15; 16] УК РФ. Так, 28 июня 2017 года Ворошиловским районным судом г. Ростов-на-Дону гражданин К.Б.А. был признан виновным в совершении преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена п. «а» ч. 3 ст. 193¹ УК РФ, а именно за то, что К.Б.А. в составе группы лиц по предварительному сговору осуществлял валютные операции по переводу денежных средств в иностранной валюте на банковский счет нерезидента «ATLANEX LP» в сумме один миллион девятьсот семьдесят одна тысяча 37 евро (что составило крупный размер) агенту валютного контроля в лице кредитной организации, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и значении перевода, при этом используя юридическое лицо, специально созданное для совершения противоправных действий. Одновременно с этим суд указывает в приговоре на то, что **учитываются «конкретные обстоятельства содеянного, в том числе характер и размер наступивших последствий»** [17].

В данном случае также видится некорректной формулировка относительно последствий преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, так как в диспозиции нормы таковые не зафиксированы, потому становится неясным, какие именно последствия суд учитывает при назначении наказания, и насколько данный факт в принципе должен учитываться.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает Справка Верховного Суда Республики Крым по результатам рассмотрения судебной практики по делам о контрабанде (ст. 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ) (далее – Справка), в которой отмечается, что субъективная сторона в рамках контрабанды раскрывается исключительно через прямой умысел следующим образом: «...понимание сущности общественных отношений, которые нарушаются преступным действием (то есть отношений, возникающих в связи с установленным порядком перемещения грузов через таможенную границу)... **Предвидение общественно опасных последствий** заключается в **представлении субъектом о тех конкретных фактических изменениях, которые должны произойти в результате его действий в объекте посягательства** (то есть, что установленный порядок перемещения грузов через таможенную границу будет нарушен), в результате чего **будет причинен или может быть причинен тот или иной вред внешнеэкономическим интересам государства либо экономической ущерб хозяйству**, а при ввозе оружия, боеприпасов, взрывчатых, сильнодействующих веществ, наркотических средств и дополнительно других объектов – **общественной безопасности, общественному порядку и здоровью населения»** [18].

Отметим, что сформулированная в справке вина применительна только лишь к преступлениям с материальным составом, тогда как контрабанда, вне зависимости от характера перевозимого предмета, является преступлением с формальным составом. Также в данном случае Верховным Судом Республики Крым описываются общественно опасные последствия контрабанды, которые в случае их наличия должны доказываться правоприменительными органами, так как в противном случае состав преступления не будет образовываться, и не будет оснований для привлечения лица к уголовной ответственности. При этом нельзя не отметить тот факт, что общественно опасные последствия в Справке определены через объект, то есть охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения им вреда, а именно через внешнеэкономические интересы и хозяйство.

Представляется некорректным раскрытие признака объективной стороны в виде общественно опасных последствий через признак объекта – общественные отношения, так как происходит подмена понятий и структурных элементов состава преступления, что нарушает логику его структурирования как отдельного института. То есть в статьях об ответственности за контрабанду общественные

отношения, обеспечивающие общественную безопасность, здоровье населения, отношения в сфере внешнеэкономической деятельности – это объект преступления, а никак не последствия, а потому в данном случае нет необходимости определять отношение лица к объекту преступного посягательства, так как согласно ст. 25 УК РФ умысел виновного раскрывается через осознание лицом общественной опасности своего деяния, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления. В выше представленной выдержке из Справки происходит именно та ситуация, когда отождествляются элементы состава преступления (объект и общественно опасные последствия). При этом возникает вопрос относительно доказывания элементов, которые в норме не предусмотрены, то есть при совершении контрабанды при таких условиях правоохранительным органам необходимо доказывать отношение виновного к общественно опасным последствиям, которые в норме изначально не предусмотрены.

На наш взгляд, такой подход следует признать в корне неверным, так как он главным образом нарушает принципы уголовного законодательства, прежде всего, принцип вины. Следуя положениям ст. 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Если в преступлении такие последствия не предусмотрены, то, соответственно, нельзя обвинять в их наступлении лицо, в том числе посредством описания его отношения к ним. В подтверждение такой позиции приведем мнения ряда авторов. А.И. Чучаев указал, что преступления, которые имеют формальный состав, могут совершаться только с прямым умыслом, так как безразличное отношение в таком случае является невозможным и относится к косвенному умыслу [19]. Также А.Ю. Сичкаренко указано, что «законодательное закрепление конструкции состава такого содействия как формального указывает, что субъективная сторона рассматриваемого преступления может быть выражена исключительно в виде прямого умысла» [20]. Единое понимание относительно наличия только прямого умысла в преступлениях с формальным составом придерживаются и другие авторы [21; 22].

Согласимся с Д. Камаловой в том, что «волевой элемент (желание) психологического отношения субъекта по отношению к своему общественно опасному деянию признается наличным уже в самом составе психологического отношения лица» [23], потому в преступлении с формальным составом, то есть том, которое признается оконченным уже с момента совершения общественно опасного деяния, для формулирования вины нет необходимости и возможности указания отношения виновного к общественно опасным последствиям, а в случае его формулирования будет нарушаться уголовно-правовой принцип вины. Диспозиции ст. 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ сформулированы таким образом, что к признакам объективной стороны отнесено только противоправное деяние. Следовательно, такие составы мы относим к формальным, а единственно возможная форма вины в этой ситуации – прямой умысел. Именно поэтому формулировать отношение виновного в рамках субъективной стороны нужно только относительно этого деяния, то есть **виновный осознает общественную опасность деяния применительно к каждому из преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в отдельности и желает так действовать**. По нашему мнению, таким образом не будет происходить подмены объекта преступления с общественно опасным деянием, и будут соблюдены все принципы уголовного закона в процессе правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
2. Табакова А.С. Выявление тенденций оттока капитала из РОССИИ // Финансовые рынки и банки. 2021. № 9. С. 31–33.
3. Что делать? Приток валюты в Россию резко возрастает. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/06/13/chto-delat-pritok-valjuty-v-rossiju-rezko-vozrastet-56425.html> (дата обращения: 5.07.2022).
4. Никифорова А.А. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 273 с.
5. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М.: Издание А.А. Карцева, 1912. С. 134.
6. Тедеев К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 86.
7. Баймакова Н.Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.
8. Хорошилова О.С. Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления // Вестник КемГУ. 2015. №2-2 (62). С. 223-225.

9. Курс уголовного права : В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - М. : Зерцало-М, 2002. (Учебник для вузов). Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. Т. 1 / [Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.]. 2002. XII, 611 с.
10. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово, 2012. С. 81.
11. Приговор по статье 226.1 УК РФ (контрабанда военной техники) // Московская городская коллегия адвокатов. URL: <https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-226-1-ук-рф-контрабанда/> (дата обращения: 5.07.2022).
12. Приговор суда по ч. 1 ст. 193 УК РФ № 1-701/2017. Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации // Sud Praktika.ru/ URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546577.html> (дата обращения: 5.07.2022).
13. Приговор суда по ч. 2 ст. 193 УК РФ № 1-186/2017. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/260968.html> дата обращения: 5.07.2022).
14. Приговор суда по ч. 1, 2 ст. 194 УК РФ № 1-289/2017 | Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnyye-dela/prigovory-sudov-po-st.-194-uk-rf-uklonenie-ot-uplaty-tamozhennyh-platezhej-vzimaemyh-s-organizatsii-ili-fizicheskogo-litsa/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-194-uk-rf--1-2892017--uklonenie-ot-uplaty-tamozhennyh-platezhej-vzimaemyh-s-organizatsii-ili-fizicheskogo-litsa.html>; <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnyye-dela/prigovory-sudov-po-st.-194-uk-rf-uklonenie-ot-uplaty-tamozhennyh-platezhej-vzimaemyh-s-organizatsii-ili-fizicheskogo-litsa/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-194-uk-rf--1-5982017--uklonenie-ot-uplaty-tamozhennyh-platezhej-vzimaemyh-s-organizatsii-ili-fizicheskogo-litsa.html> (дата обращения: 5.07.2022).
15. Приговор суда по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ № 1-353/2017. Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnyye-dela/prigovory-sudov-po-st.226.1-uk-rf-kontrabanda-silnodejstvujuschih-jadovityh-otravljajuschih-vzryvchatyh-radioaktivnyh-veschestv-radiatsionnyh/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-226.1-uk-rf--1-3532017--kontrabanda-silnodejstvujuschih-jadovityh-otravljajuschih-vzryvchatyh-radioaktivnyh-veschestv-radiatsionnyh-istochnikov-jadernyh-materialov-ognestrel'nogo-oruzhija-ili-ego-osnovnyh-chastej-vzryvnyh-ustrojs.html> (дата обращения: 5.07.2022).
16. Приговор суда по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ № 1-267/2017. Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnyye-dela/prigovory-sudov-po-st.226.1-uk-rf-kontrabanda-silnodejstvujuschih-jadovityh-otravljajuschih-vzryvchatyh-radioaktivnyh-veschestv-radiatsionnyh/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-226.1-uk-rf--1-2672017--kontrabanda-silnodejstvujuschih-jadovityh-otravljajuschih-vzryvchatyh-radioaktivnyh-veschestv-radiatsionnyh-istochnikov-jadernyh-materialov-ognestrel'nogo-oruzhija-ili-ego-osnovnyh-chastej-vzryvnyh-ustrojs.html> (дата обращения: 5.07.2022).
17. Приговор суда по ч. 3 ст. 193.1 УК РФ № 1-198/2017 | Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/351707.html> (дата обращения: 5.07.2022).
18. Справка Верховного Суда Республики Крым по результатам изучения судебной практики по делам о контрабанде (ст. 2001, 2002, 2261 и 2291 УК РФ). URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=58 (дата обращения: 5.07.2022).
19. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. М.: Проспект, 2018. 256 с.
20. Сичкаренко А.Ю. Ассистированное самоубийство // Законность. 2019. № 5. С. 34–39.
21. Бимбинов А.А., Воронин В.Н., Понятовская Т.Г. Фармацевтическое уголовное право России: монография; отв. ред. А.И. Парог. Москва: Проспект, 2019. 216 с.
22. Елисеева Н.М. К вопросу о содержании субъективной стороны квазисоучастия в доведении до самоубийства // Российский следователь. 2020. № 1. С. 35–38.
23. Камалова Д. Субъективные признаки приготовления к преступлению // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 4 (55). С. 87–93.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Никифорова Алена Анатольевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородская академия МВД России
603144, Россия, г. Нижний Новгород, шоссе Анкудиновское, 3
E-mail: luckyalena@rambler.ru

A.A. Nikiforova

**ON THE ISSUE OF THE MOMENT OF THE END OF INDIVIDUAL CRIMES
IN THE SPHERE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY**

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-5-934-940

In the presented article, the author, based on the analyzed examples of investigative and judicial practice, studied the approach of the law enforcement officer within the description of the signs of the subjective side, as a result of which the facts of disclosure of such signs through the attitude of the guilty person to socially dangerous consequences when committing crimes in the field of foreign economic activity (art. 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 226¹, 229¹ The Criminal Code of the Russian Federation); at the same time, attention is drawn to the fact that these elements of crimes are designed as formal, that is, the objective side includes only a socially dangerous act, and the moment of completion is associated with the moment of the commission of the act, therefore the author proves and comes to the conclusion that the indication of socially dangerous consequences and the attitude of the perpetrator to them the guilty verdict does not seem to comply with the provisions of the criminal law; based on the conducted research, the author states that such a conclusion is, first of all, necessary for competent law enforcement when solving the issue of bringing to criminal responsibility persons who have committed crimes in the field of foreign economic activity.

Keywords: criminal law, foreign economic activity, smuggling, socially dangerous consequences, corpus delicti, completed (composite) crime

Received 05.09.2022

Nikiforova A.A., Candidate of Law, Senior researcher at the Department of criminal and criminal Executive law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Ankudinovskoe highway, 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603144
E-mail: luckyalenka@rambler.ru